

ЛИЧНОЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ДЕЛО

Читайте остросюжетные романы Федора Анича
в серии «Личное дело»:

Ты – моя причина жить...

Нет смысла без тебя

Я сделаю это для нас

Ф Е Д О Р ✈ А Н И Ч

Ты — моя
причина жить...

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А67

Под редакцией А. Антоновой

Анич, Федор.

А67 Ты — моя причина жить... : роман / Федор Анич. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с. — (Личное дело. Остросюжетные романы Федора Анича).

ISBN 978-5-04-094187-2

Раньше я не думал о смерти, пока однажды она не постучала в мою дверь. Это было обычное зимнее утро, которое ничем не отличалось от сотни других. Я собирался поехать в институт, а после встретиться с друзьями и посидеть в каком-нибудь баре. Выйдя из дома, я обернулся, чтобы помахать на прощание маме и сестре. Тогда я еще не знал, что больше их никогда не увижу...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Анич Ф., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-094187-2

*Все события романа — вымышленные.
Любые совпадения имен и фактов
совершенно случайны.*

—≡≡≡ Глава 1 ≡≡≡—

САША

Россия, Иркутск

Мама не видела, как меня скрутили. Я надеюсь, ей вообще ничего не известно о моем бизнесе и долгах.

Три месяца назад я, как самый гениальный человек на планете, решил открыть свое дело. Отец дать денег отказался и приказал не совать рога туда, где я ни бельмеса не шарю. Я его, конечно же, заверил, что все понял, но не послушал. И раздал всем своим партнерам по моему скромному бизнесу личные гарантии. Кто же знал, что так дела не ведутся?

И вот, когда стало понятно, что бизнес прогорел, все деньги съедены, а позор остался, я не успокоился и нырнул еще глубже — занял денег у бандита по имени Маруф. Мой друг по кличке Палец настоятельно рекомендовал мне не занимать у Маруфа. Однако и друга своего я слушать не стал. Я же всех на свете умнее и творю поистине великие дела.

Но хуже дурака только дурак деятельный, как говорится.

«Пятьдесят тысяч долларов сумма не маленькая, но не настолько большая, чтобы убивать человека», — рассуждал тогда я.

Но если верить моим суждениям, то сейчас я должен быть дома, а не с вонючим мешком на голове, связанными руками, ногами и под дулом пистолета ехать в гараж, где меня прицепят к батарее, а отца заставят выплатить мой долг. А может, и вовсе убьют.

В этот момент во мне боролись несколько чувств. Я был так зол на себя, обижен на весь мир, но при этом испытывал невероятную жалость к себе. Я вдруг стал таким беззащитным, власть надо мной была в руках людей с пистолетами. И да, штаны... я, кажется, обмочился. Боже, какой позор.

* * *

А вся эта невероятная история началась с моей гениальной идеи создать комедийно-эротическое шоу. Сексуальные девушки должны были показывать смешные сценки, танцевать и исполнять каверы на главные хиты эстрады. Так как я был вхож во все известные иркутские клубы и лично знаком со многими арт-директорами, найти денег на старт не составило труда.

Мой бизнес-план оценили и на взаимовыгодных условиях заключили сделку. По моим подсчетам, через несколько месяцев я должен был вернуть кредиторам деньги с процентами, а в качестве бонуса предоставить возможность получить бесплатно по одному-два выступления. Быстро собрал команду, арендовал помещение для репетиций, нанял танцоров и хореографов, вложил в покупку декораций и костюмов. Работа началась.

На первом выступлении сразу же возникли проблемы. Оказывается, не так просто заставить людей смеяться. Пришлось нанять фокус-группу. Мы заказали

сценарий у известного комедийного автора. Я проводил на сцене по двенадцать часов, репетируя номера. Кое-как мы все же скомпоновали новую программу, которую назвали «Распутницы», и пригласили всех спонсоров для просмотра.

Шоу провалилось с треском не только в глазах спонсоров, но и в моих. То, что ожидалось от «Распутниц», не получилось даже на десять процентов. Шутки казались избитыми, девушки танцевали так, словно стояли в очереди в туалет, ну а петь просто не всем дано. Неудивительно, что через полчаса ушли практически все спонсоры, остались только друзья и те, кто успел много выпить. Я был готов застрелиться от стыда прямо там, за кулисами. Как отметил один арт-директор, покидая площадку, шоу «Распутницы» — это «амёбы в купальниках».

На следующий день я отправился переубеждать арт-директоров. Но ни один из них не захотел даже выслушать меня. Их интересовали лишь деньги, которые я теперь им был должен. Но у меня не было ни копейки, чтобы заплатить за свой позор. И тогда я поехал к Маруфу. Я занял денег, чтобы отдать долги и вложиться в новую программу. Тем же вечером, рассчитавшись с арт-директорами, я решил собрать свою команду, чтобы обсудить новое шоу.

Но никто не пришел.

Я остался один на один со своими идеями и долгом. Палец, узнав обо всем, испарился, как будто и не было его вовсе. Очень быстро информация о том, что моя команда развалилась, дошла и до Маруфа. Он потребовал вернуть деньги через три дня. Я пытался договориться с ним, но все усилия были напрасны. Пришлось заверить его, что через три дня деньги будут.

Через три дня — это завтра.

А сегодня я уже с мешком на голове.

Сволочь патлатая. Гад, низкопробный ублюдок! Интересно, о чем думает его дурная башка? Каким образом я теперь смогу раздобыть деньги? Он, скорее всего, рассчитывает шантажировать отца... Не на того нарвался. Мало того что отец теперь откажется отдавать деньги, так еще и посадит придурка.

— Вам всем конец, — прохрипел я. — Вы разве не понимаете?

В ответ — тишина. Только спокойный рев мотора и укачивающая тряска. Мы едем в «Газели», я лежу на полу, лицом вниз. Перед тем как мне натянули черный мешок на голову, внушительных размеров нерусский мужик показал мне пистолет и выразительно приставил его к моему лицу.

— Пикнешь — убью. Все понятно?

С этим парнем явно шутки плохи. Я кивнул, что понял его, и меня запихнули в машину. Несколько пар ног быстро вскочили следом, и машина тронулась.

Мы ехали очень долго. У меня затекли руки, казалось, что кисти вот-вот отвалятся. Я хотел в туалет, но на мои просьбы остановить машину никто не реагировал.

— Мой отец найдет вас всех и посадит, — решил я действовать иначе и стал угрожать. — Вы не знаете, с кем связались. Я уверен, что он уже выслал группу захвата.

После этих слов машина остановилась. Я услышал нерусскую речь. Человек что-то обсуждал по телефону. Я постарался напрячь слух. Неужели они напуга-

лись и отпустят меня? И тогда я решил добавить масла в огонь:

— Если вы меня отпустите, я попрошу отца отпустить вас. Передайте Маруфу, что мы обо всем договоримся. Я отдам деньги...

— Заткнись, — прервали меня, не дав договорить.

Голос был жестким и холодным. Я решил не сдавать позиций: контакт — ведь это уже очень хорошо! И попытался снова начать диалог:

— Хорошо, но подумайте, лучше все решить сейчас, пока еще вас не успели всех повязать.

Мне было жутко страшно. Еще чуть-чуть — и в штаны вырвется еще одна позорная струйка. Кто знает этих исполнителей? Какие у них приказы?

В ответ — тишина.

Захрустел гравий, к нам подъехала машина. Меня подняли и вывели из машины. Ноги заплетались, но я был рад, что мне позволили их размять. И похоже, сейчас все закончится. Скорее всего, это полицейская машина, отец уже нашел меня! Через секунду с головы сорвали мешок. В глаза ударил яркий свет от фар. Я зажмурился и глубоко вздохнул. Боже, как чудесен запах январского леса! После провонявшего бензином и машинным маслом коврика на полу «Газели» чистый лесной воздух опьянял. Я оглянулся — мы стояли на шоссе перед машиной, в которой ехали. По обочинам — деревья с мягкими снежными подушками на плечах. Рядом стоял черный джип. Точно такой же у Маруфа. Это точно он, сукин сын! За руки меня держал тот самый мужик, что показывал пистолет, а рядом с ним курили его приятели. Но они не были похожи на выходцев из Персии. Скорее на цыган в тяжелых тулупах и шапках-ушанках.

Дверь джипа открылась, и оттуда вывалился толстый мужик в овечьей дубленке нараспашку; голова была без шапки, в мясистом ухе — маленькая сережка-колечко. Он миролюбиво посмотрел на меня, захлопнул дверцу джипа и подошел, разгоняя мерзлый гравий на обочине дороги темно-синими мокасинами.

— Здравствуй, красавец, — сказал он все с той же мерзкой улыбкой и сильным акцентом.

— Здравствуйте, — ответил я нарочито вежливо, так, словно вся эта история происходит не со мной, ведь я вежливый, культурный мальчик.

— Я специально попросил моих парней остановить машину, чтобы объяснить тебе кое-что, Саша. — Мое имя он произнес с ударением на последний слог, на французский манер. Может, он другого Сашу имел в виду? Но, помолчав пару секунд, он добавил: — Ты можешь не переживать за Маруфа и деньги.

— Что это значит? — в недоумении спросил я.

— Маруф получил свое. Я купил его у тебя. Он получил с курьером конверт, где было написано «От Саши Лаврова». Ты очень ценный груз, красавец.

И своим толстым пальцем он провел по моему подбородку. Меня передернуло от отвращения, и я заорал, выпуская клубы пара, как лошадь на морозе:

— Идите к черту! Верните меня домой!

— Нет, дорогой, — ответил цыган, не переставая мерзко улыбаться, — ты теперь принадлежишь мне. Ты поедешь со мной и будешь делать все, что я захочу.

— Я не просил вас отдавать долг за меня! — Во мне вдруг заиграла злоба. Какого черта он себе позволяет?!

— О нет, мой дорогой, я заплатил твои долги, но деньги для меня не имеют совершенно никакого значения, мне нужен ты, — проговорил он тихо, практически по слогам и без всякого акцента.

Я сдержал судорогу, но желудок срочно требовал избавиться от завтрака. Сглотнув слюну, задрал лицо кверху и, отрывая фразы, как будто от этого они становились более весомыми, проговорил:

— Мой отец найдет меня. Вас всех посадят. Ты настоящая мразь.

Улыбка на дряблых губах цыгана померкла. Черные как вороново крыло глаза блеснули злобой. Он ударил меня ладонью по лицу с такой силой, что на секунду все вокруг закружилось, а в глазах резко потемнело. До этого дня меня никто и никогда не бил. Откуда-то изнутри выстрелило унижение, тупым ударом под желудок. Я покачнулся, но меня удержали.

Я сплюнул на сухой гравий слюну (спасибо, что без крови), а цыган скомандовал своим парням:

— Поехали.

— Вы забыли мешок, — сказал я дрожащим голосом, только что вернувшись в этот мир после удара. — Ведь я могу запомнить дорогу.

— Планы изменились, — сказал один из похитителей и приставил пистолет к моей голове. — Те, кто обижает барона, обычно не выживают. Так что можешь запоминать дорогу.

Машина барона тронулась. Мой палач взвел курок и ухмыльнулся.

Только сейчас я понял, как ошибался. Меня уже никто не найдет. Я останусь гнить здесь с пулей в виске. От страха я зажмурил глаза.

ВАСЯ

Россия, Москва

Знаете, как обычно показывают в фильмах смерть — боли, хрипы, стоны... Но ничего этого не будет. Правда, ничего. Как всегда, ровно в 23.15 мама почистит зубы, облачится в свою старенькую ночную рубашку, аккуратно счистит нежную кожицу с сочного яблока, съест его и ляжет спать. Я подожду, пока она уснет, чтобы подоткнуть одеяло у вечно стынувших ног. Каждый раз боюсь, что, подойдя к кровати, я не услышу сонного дыхания мамы. Я тихонько позову ее, но не для того, чтобы вырвать из сна, а чтобы увидеть чуть вздрогнувшие веки или слабую натугу спящих голосовых связок.

Спустя мгновение я что есть силы буду трясти бесчувственное плечо мамы, но тело будет лишь послушно колыхаться. Глаза будут прочно закрыты, губы сжаты.

Я боюсь, что мама умрет.

* * *

Ни у меня, ни у мамы больше никого нет. С раннего детства я люблю ее всем своим насквозь больным сердцем. В мире нет больше никого, к кому бы я испытывал хоть каплю такой же любви. Ни к своему без вести пропавшему отцу, ни к покойным ныне дедушкам и бабушкам.

Мы живем очень скромно: на мамину пенсию по старости да на мою по инвалидности. Полученное мы аккуратно складываем в жестяную банку из-под печенья. В месяц выходит двадцать шесть тысяч семьсот со-

рок пять рублей. Львиную долю тратим на наш быт — оплату «двушки», покупку лекарств и продуктов. Но мы не унываем — у нас есть все, чтобы радоваться жизни. Главное, что мы есть друг у друга. А в нашем доме тепло и уютно.

Когда я прихожу с рынка домой с полными пакетами продуктов, мама всегда говорит одно и то же:

— Васенька, повесь пальто в шкаф, не бросай где попало. И вообще, чай стынет, я пирожков испекла. Мой руки и к столу, сынок.

Я аккуратно вешаю в шкаф пальто, задвигаю дверцу и только потом приступаю к распаковке сумок. Из того, что мне удастся купить на выделенные из жестяной банки деньги, мама всегда умудряется приготовить настоящие шедевры.

Каждую среду и субботу мы делаем генеральную уборку, а после усердной работы мама ставит в печь курник, мы пьем чай у телевизора под передачу Малахова. У нас нет возможности подключить кабельное телевидение, ресурсы в жестяной банке не позволяют. Но главное ведь поставить цель, верно? В этом году у нас их было две — подключить кабельное телевидение и купить маме пальто. Начали мы, конечно же, с самого важного.

Купить маме пальто мы запланировали давно, еще в середине лета. Разумно посчитав, что у меня есть теплая куртка, бобровая шапка, неплохие ботинки на эту зиму, все накопления на покупку одежды посвятили маме. И вот в день получения маминой январской пенсии последняя капля упала в жестяную банку, и мы отправились в магазин, в котором долго и придирчиво выбирали, шурясь на ценники.

— Васенька, я не хочу быть бабушкой. Это пальто безобразно в принципе, а на мне уж тем более, — причитала мама, примеряя одно за другим изделие.

В конечном счете маме понравилось драповое пальто с мехом лисицы. Кирпичного цвета, длинное, с аккуратным поясом на ажурной латунной застежке.

Вот как сейчас помню этот момент. Я нагибаюсь, чтобы посмотреть ценник, да так и остаюсь в полусогнутом состоянии. Пальто, по нашим меркам, стоит безумных денег — 8770 рублей. А на покупку мы отложили лишь 6500 рублей. В дефиците аж 2270 рублей! Нам это пальто не по карману еще целых три месяца! А о кабельном придется забыть как минимум до лета.

— Что там, Васенька? Сколько? — любуясь на себя в зеркале, спрашивает мама.

Я прячу ценник и говорю, что немного дороже. Всего на триста рублей. Но и за ними необходимо идти домой. Мама долго думает, крутится у зеркала, слушает восхищенных продавщиц и, наконец, соглашается. Она снимает пальто, надевает свою старенькую бобровую шубку, не раз латанную и местами весьма истертую, велит мне договориться на кассе, чтобы пальто отложили на пару часов или до завтра, а сама выходит на улицу. Я договорился, что выкуплю пальто утром, и внес задаток в 6500 рублей.

Мама хочет это пальто. Я знаю ее и чувствую, когда она по-настоящему рада. Примерив пальто с лисичей на воротнике, она расцвела и даже как-то помолодела.

Но боже, где взять 2270 рублей? В копилке такие деньги есть, но они «продуктовые». Потратив их, покупать еду будет не на что. Это очень большие для нас деньги, поверьте. Я инвалид с детства, у меня большое

сердце. Даже поход на рынок дается с трудом. Мой мотор к двадцати четырем годам износился так, как будто мне все шестьдесят! Кардиостимулятор не дает ему остановиться, но примерно раз в день я чувствую острое сопротивление электроники зову природы. С таким диагнозом ни о какой работе и речи быть не может. Утром, пока мама готовит завтрак, я беру деньги из банки, иду в магазин и возвращаюсь домой с пальто наперевес.

— Васенька, протри ботинки тряпочкой, не наследди. Вчера только пол вымыли, — слышу я мамин голос.

Я снимаю ботинки, бросаю их прямо у порога и влептаю счастливый в кухню.

— Посмотри, что я принес! — Улыбка не сходила с моего лица.

Мама помешивает манную кашу. Как всегда, в домашнем костюме, поверх которого старенький, но идеально чистый передник. На ногах мягкие байковые тапочки с отворотом из цигейки.

— Что там, Васенька?

— Это пальто, мама! Пальто! Да положи ты ложку!

— Пальто?.. — удивленно переспросила мама.

— Да! — все с той же улыбкой ответил я.

Мама берет из моих рук пакет и извлекает из него пальто. Именно то, которое мерил вчера. Драповое пальто кирпичного цвета, с лисьим воротником и ажурной латунной застежкой на поясе. Застежка все еще помнит мороз и покрыта инеем.

— Вороти его, сегодня же. — Мама строго посмотрела на меня, нахмутив брови.

Я не верю своим ушам. Мама хочет вернуть пальто, о котором так давно мечтала? В чем дело? У меня уже есть план, как восполнить дефицит. И вот, нате вам!..